

Первая леди

первого

КВН

— Светлана Алексеевна, ваша телевизионная слава, безусловно, связана с передачей КВН. Вы стояли у ее истоков?

— Нет, первые выпуски вели актриса Наталья Защицкина и Альберт Аксельрод. Впервые КВН я увидела по телевизору дома, находясь в декрете. Но тогда декретный отпуск длился недолго, и вскоре после рождения сына я вновь вышла на работу. Как-то Защицкина уехала с театром на гастроли, и пригласили меня. С тех пор (а это было 1963 год) я стала постоянной ведущей КВН. Чуть позже моим партнером стал Саша Маслюков.

— КВН шел в живом эфире?

— Понапалу да. Популярность у этой передачи была чрезвычайная, во время эфира улицы пустели. Ведь в те годы на телевидении все было немножко академично, и КВН оказался отдушиной, единственной передачей, которая могла позволить себе независимость суждений, оценок. Помню, готовились мы к эфиру в Горьком. Команды получили задание: составить сюжет, в котором слова начинались бы на букву «В». Участники команды горьковчан отправлялись на воображаемую Венеру, становились там «вольнодумцами», а по возвращении на Землю этим «вольнодумцам» всыпали, и так далее. Причем в этом сюжете фигурировала некто «Вурцева», и, естественно, все понимали, что речь идет о министре культуры СССР Е. А. Фурцевой. Редактор местной молодежной редакции на коленях просил участников команды: черт с вами, оставляйте «вольнодумцев» (хотя «оттель» уже закончилась), но «Вурцеву», уберите! Те пообещали, но слово не сдержали. Здорово тогда влетело редактору! Впрочем, выговоры передача получала регулярно.

— А как стояла популярная передача исчезла с эфира?

— Председатель Гостелерадио С. Г. Лапин давно хотел закрыть КВН: наступили времена, когда никто не должен был выделяться, все превращались в серую массу. Когда появилась возможность давать передачи «в записи», то наиболее острые моменты стали заглушать аплодисментами. А потом возник монтаж, и начали выкидывать целые куски. КВН стал беззубым, неинтересным, начал гаснуть...

Лапин был суровый человек (хо-

тят дикторов любил). Он не пускал в эфир ни бородатых, ни волосатых. Даже шутка такая ходила: если бы были живы Маркс, Энгельс и Ленин, им уж точно не дали бы эфира! Так вот, однажды в команде одесских, которая тогда вырвалась вперед, кто-то из участников был с длинными волосами. Лапин приказал остречь. А к следующий передаче вся команда демонстративно отрастила бороды. Передачу в эфир не пустили. Так в 1973 году КВН прекратил свое существование.

— Но лет пять назад КВН возродился...

— И, по-моему, напрасно. Я считаю, что старые передачи возрождать не надо. Вспомните, КВН возник вновь, когда в зените славы были «Что? Где? Когда?», «12-й этаж». И хотя теперь много блистательных команд, участники говорят такие вещи, о которых даже в самые от теплые дни думать было невозможно, — но все-таки КВН затерялся.

— Нынешнее телевидение постоянно находится под критическим прицелом и у зрителей, и у прессы. А каково ваше отношение к тому, чем нас «корит» телевидение сегодня? Как вы полагаете, чего ждет зритель?

— На мой взгляд, телевидение утратило ту остроту, новизну, которые появились пять лет назад. Иногда бывают информационные сообщения, которых я даже понять не могу. Переспрашиваю у мужа (по профессии он преподаватель вуза). Конечно, нельзя нагнетать обстановку. Мне самой надоело жить в постоянном напряжении, думая о том, чем накормить мужа, сына. А если с экрана все время говорят о том, что нет продуктов, — от этой информации людей уже начинает трясти! Не должно быть в эфире полуправды. Дайте услышать разные точки зрения, а зритель сам решит, на чьей он стороне.

Я устала от бесконечной говорильни на экране: в жизни-то ничего не меняется. На днях вела концерт во Дворце культуры ЗИЛа. Мне рассказали, что там в течение двух вечеров записывалась передача «Вокруг смеха». В первый вечер — только политика. Зрители возмущались, поскольку хотели отдохнуть. Кстати, я поймала себя на мысли, что с удовольствием посмотрела бы «Кубанских казаков», про дыни и арбузы, которых не существует!

— Ну, а какие передачи вам по душе?

— Для меня идеальный ведущий — Владимир Познер. Нравится «До и после полуночи» Молчанова — там всегда есть изюминка, шарм. Люблю смотреть «Пятое колесо». Мне нравятся ведущие ТСН — Дмитрий Киселев, тактичный, интеллигентный, он высказывает свою точку зрения, не навязывая ее зрителям, а также Юрий Ростов, с тонким, изящным юмором. К сожалению, их больше нет в эфире.

— Как вам работаете сегодня?

— Как сказать?.. Из последних моих передач — «Спутники телезрителя», но теперь Крылов ведет их сам. Чаще всего приходится объявлять программы. Иногда — «английский язык». Раньше мы, дикторы, вели практически все передачи, а сейчас в качестве ведущих стали приглашать, как правило, журналистов или узких специалистов. Дикторы несколько отошли в сторону... Конечно, профессионалы нужны, но ведь телевидение обладает своими законами: если ты не обаятельный, не можешь выговаривать правильно буквы, если не умеешь увлечь разговором зрителей, — то оставайся за кадром.

Среди дикторов есть хорошие специалисты в разных областях. К примеру, Светлана Токарева окончила консерваторию, она могла вести музыкальные передачи, а Наталья Чолобова отлично знает литературу, кино, у нее прекрасный язык, богатая лексика. Иногда говорят, что профессия диктора умирает. Может, и так. Но ей помогают умереть. Когда я пришла на телевидение, было всего шесть-семь дикторов. Зрители знали их по именам: «Анечка», «Ниночка», «Валечка»... Сейчас — целый калейдоскоп лиц. Близкие иногда спрашивают: «Кто это?» А я уже называла фамилию раньше. Молодым трудно выбираться, повторяю, потому что им не дают вести передачи.

Порой нашу профессию просто дискредитируют. Совсем недавно одна ведущая-комментатор отказалась читать в эфире текст, который был чужд ей по политическим убеждениям. В аппаратную срочно вызвали диктора. И получилось: диктор — петроград, поскольку согласилась прочитать этот текст (как будто диктор может отказать!). Это было ужасно!

— В вас говорит сейчас обида за свою коллегу, и это понятно. А приходилось ли вам самой испытывать идеологическое давление, читать текст, органически чуждый?

— По счастью, я почти не участвовала в информационных передачах, не читала официальных сообщений времен застоя. Хотя когда-то в программе «Время» участвовали все дикторы. Конечно, есть универсальные дикторы. Но нужна такая многогранность? Думаю, нет.

— То есть у диктора-ведущего обязательно должен быть свой имидж. Вас, например, трудно представить на экране, жестко и строго читающей информацию «В Политбюро ЦК КПСС»... У вас гладкая, спокойная интонация, мягкий голос, и всякий раз возникает ощущение, будто в личной жизни у вас все дышит благополучием, теплом, покое...

— Я считаю, что диктор должен вести себя на экране так, как ему свойственно в жизни. Конечно, я могу быть эмоциональной; когда обижают, уничтожают, могу взорваться. Но по натуре я человек достаточно спокойный. Убеждена, все неприятности, проблемы надо откладывать дома. Ведь с экрана я обращаюсь к людям, у которых, особенно сейчас, обнажены нервы.

— Вы — одна из немногих нашли дикторов, кому удалось поработать на японском телевидении. Что дала вам эта практика?

— Первый раз в Японии я побывала в 1974-м — в течение года на

телевидении вела уроки русского языка (через десять лет — еще полгода). Как и все наши дикторы, я была тогда чрезвычайно зажатой. Сами судите: произношу как-то на Центральном телевидении фразу: «дорогие товарищи», — а в студию тут же вбегает запыхавшийся выпускающий: «Светлана, не дорогие, а уважаемые». Как уж тут снять напряжение?.. В Японии все иначе. На телевидении любят экспромты, импровизации. Я была поражена от неожиданности, когда на первом уроке, вместо подготовленного мною рассказа о Москве, меня вдруг попросили рассказать зрителям о себе, о муже, о сыне, который учился в пятом классе.

Долго я не могла раскрепоститься. «Светлана-сан («л» там не выговаривают), — обращается ко мне режиссер, — вы у нас звезда, и мы просим вас быть более непринужденной в эфире». А через полгода — новое испытание. «В ваших дальнейших уроках просим остановиться на теме «губная помада» (как ее пользуются в России?), расскажите, как русские моются и, наконец, о русской водке». Я тут же — к посольству. Олег Александрович Троицкий успокоил меня, посоветовал обо всем рассказать с юмором. Японцам так понравился мой рассказ о праздничной трапезе с водкой, что они включили его в учебник русского языка... Когда я возвратилась в Советский Союз, мне сказали на работе, что я стала очень раскованной, а для нашего эфира это не подходит...

— Вы учились в «инязе». Как же попали в «дикторы»?

— Ох, так давно это было! В 1959-м режиссер из Канады снял на нашем телевидении фильм «Россия в лунах прожектора» — о наших мастерах искусства. Нужен был диктор-переводчик. Обратились в «иняз», и почему-то требовали, чтобы была студентка третьего курса. Нас собрали декан. Главным критерием отбора для нее были... зубы. Потом — конкурс на телевидение. Снимали три месяца. Мне, 20-летней девочке, все было интересно: рядом со мной в кадре — Образцов, Дорда, Райкин... Когда съемки закончились, директор телевидения предложил штатную работу.

Тогда на телевидение без актерского образования не принимали. Даже заставки в студии делали люди с актерским дипломом. И потому мой приход, да еще на дикторскую работу, произвел эффект разорвавшейся бомбы! Я была спортивной девушкой, обожала институтские походы, особенно на байдарках, и вдруг жизнь круто изменилась... Днем — учеба, вечера — на студии. Я была самой молодой на телевидении. У родителей не было особого достатка, я не могла часто менять туалеты. Однажды надела в эфир черную кофту со стойкой и белым воротничком. Потом начальство отчитывало: «Больше не одевайся так, ты выглядишь восьмиклассницей!»

Естественно, после окончания института пришел запрос с телевидения. Правда, тогда же мне предложили пойти в стюардессы. Но я не реформатор по натуре, не умею все ломать, крушить, не будучи уверенной, что получится хороший результат...

Вадим ВЕРНИК.